

По следам одного письма

ПИСЬМА, ПИСЬМА, ТЕЛЕГРАММЫ... От актера и артистки. От участницы самодеятельности, которая с равной требовательностью относится к профессиональному искусству, и к работникам областного управления культуры. Итондичи и детали разные, но все сводится к одному: неладно что-то в Кустанайском областном драматическом театре.

И ТАК, в Кустанай! И вот я уже присутствую на репетиции.

Читают «Сына воинов» И. Курянова. За столом — почти вся труппа. Только что разданы роли. Момент очень важный, предвещающий весь нострой спектакль: чем будут восторгаться, во имя чего станут сама пьеса! Очевидно, режиссер М. Назимов говорит слова, которые, казалось бы, вполне подходят к случаю. Но оттого, что нет за ними большого знания, нет своего видения материала, ничего, что будоражило бы творческую мысль, актеры потихоньку занимаются своими делами. Вот молодая гармония тщательно перерисовывает на бумагу контур своей руки. Вот ее сосед на последней странице роли с удовольствием пишет слово «Июнь». В общем, все как в школе на скучном уроке. А это беда, когда учитель, а в данном случае режиссер не умеет увлечь, повести за собой, не сумел рассказать ничего нового, по-новому!.

А в результате — скучный спектакль, о котором областная газета «Ленинский путь» писала: «...Несмотря на все недостатки, спектакль получился не хуже других. Повторяем: не хуже других. Но и не лучше».

Еще один спектакль, который тоже «не лучше». «Камени на дороге» Д. Медведева. Поверхностное режиссерское прочтение пьесы в сочетании с грубыми, рассчитанными на смех трюками, общий стиль игры, когда исполнители не проживают жизнь своего героя, а как бы демонстрируют готовый результат, — все это заставляет с тревогой думать о будущем театра, об актерах, которые повторяют себя на спектаклях в спектакль, не стремясь улучшить свое искусство.

Вот, например, молодая актриса Л. Кроль. Нельзя сказать, что она не работает: жизнь областного театра, связанная с частыми гастролями, с быстрым выпуском спектаклей, никому не сулит покоя. Но работать и учиться в процессе работы можно по-разному. У Кроль, обладающей неплохими внешними данными, выработался эталон вульгарный: итан для всех ролей: от Нэсти Булановой из «Сына воинов» и Вальки-деши из «Иртышской истории» А. Арбузова, по мнению зрителя, позком, как две капли воды. И этот элемент «лашени» дает себе знать порою даже в образе Нэди («Камени на дороге») — девушки, которая если и выплеснула драматургу недостаточное зрно, то уж во всяком случае задумана как существо светлое и чистое.

А как обидно складывается творческая судьба молодого актера В. Рачило! Неудачливый обаянием, прошедший нелегкую трудовую школу жизни, он был взят в театр из самодеятельности. Режиссура стала беззастенчиво эксплуатировать его внешние данные, не заботясь о пополнении его творческого багажа.

Да и о какой учебе может идти речь, когда кадры театра беспрерывно меняются? За прошлый год уволено всего 37 человек (в том числе из творческого и технического состава), в шестьдесят, первом, а он еще не кончился, — около пятидесяти!.

И тем не менее люди в Кустанайском театре хотят работать творчески. Нет, наверное,

а вообще такого театра, который задавался бы целью быть не творческим, а растущим. И есть сегодня в Кустанайском театре заслуженные, опытные мастера: А. Герасова, Н. Мерзляков. Есть хорошие актеры среднего поколения, такие, как В. Искрин. Есть и молодые, горячие любящие искусство, молодая, которую надо учить. Дружные, созидные чувства ответственности, все

ПОЧЕМУ ЖЕ Кустанайский областной драматический театр так требователен к себе?

Потому что приблизительно — вот главная цель директора театра И. Дубровского. Прибыль любой ценой, пусть в ущерб зрителью и творческому коллективу, зато в выгоду для себя. А кому такой руководитель не нравился, пусть уходит. «Он у нас не

Вернулся Дубровский в Кустанай 10 лет спустя. Старая неприязнь к тому времени заблудилась, дескать, самими, арунда. Вернулся — и к той-то поры начались творческие сны: в Кустанайском театре неладно, я нам нельзя работать нормально, пока его возмужает такой человек.

Но кто же дал Дубровскому право превращать творческий коллектив в дельное предприятие, в свое подсобное хозяйство?

В Кустанайском областном партии мне сказали: — Если Дубровский вор — мы его выгоним!

Эти слова принадлежат И. Дубровскому, секретарю по пропаганде. Ну, а если даже, вопреки фактам, Дубровский будет признан не виновным в мошенничестве, значит ли это, что он способен возмужать творческий коллектив?

И начались Кустанайского областного управления культуры М. Тамашкина поступил совершенно правильно, освобождая 28 октября директора театра от должности. Но энергичный Дубровский учится в Алма-Ате... Вскоре Тамашкина получает телеграмму (по меньшей мере странную) из республиканского Министерства культуры: отменить приказ. Это после того, как мне в министерстве говорили: «Помогите нам освободиться от Дубровского».

А в обход партии Тамашкина, отказавшегося восстановить Дубровского, обвиняют в самоуправстве.

О ПЯТЬ Иван Иванов впадает в своем кабинете. Опять все по-прежнему, с возмущением сообщает мне работник Дома культуры учителей К. Брод, добавляя при этом: положение достаточно голая сатиры.

В редакции опять раздуются прозвончатые звонки между городскими: кустанайская история продолжается! Иван Иванов посматривает: не в первый раз, еще паремалется — муча будет.

Кому же, для чего и за какие заслуги нужно удерживать Дубровского на должности директора театра?

На пора ли поставить точку в этой затнувшейся истории!

О. КАЛИНЕНКО.

КУСТАНАЙСКАЯ ИСТОРИЯ

еки немало поработали в прошлые лето на целине, неся свое искусство мастерам урожаев. Но тем обиднее, что затраченные усилия были зря: театры не пришли, не принесли той пользы и эстетического наслаждения зрителю, как могли и должны были принести.

КАКИЕ чувства и мысли несут ксеру этот театр! Мелькают перед глазами программы: «Любовь, любовь», «Пять сердец», «Четверо под одной крышей» — кинопробы, пустые комедии, оторванные от сегодняшней нашей жизни. Шли в этом театре и такие пьесы, как «Цветаев», «Власть тьмы» и «Вечный сад», но директор решил, что долго не крутится невыгодно.

В городе театр посещают плохо, зато офис сообщают, что в буфете будет пиво, а после спектакля в фойе — танцы. Зрители заманывают с трудом.

А между тем в Кустанай издавна любил ходить на спектакль — пока был иней, требовательный к себе театр. Здесь ходят на спектакли и сейчас — в народный театр, который по справедливости считается лучшим в области. Руководитель из заслуженных артист Казахской ССР И. Зинкин, авторитет которого неизменно в коллективе. Но еще жалко до прихода Зинкина в народный театр (болезнь помешала ему вернуться на профессиональную сцену) здесь сложились свои добрые традиции. Были такие заслуженные актеры, как А. Никифоров (актер и художник одновременно), который в меру отдавал своей двадцатилетней юбилей. Подлинно профессионального уровня достигают также участники самодеятельности, как Т. Кузнецова, М. Сузиева. Интересно работать здесь каждый, и все связано неустанным стремлением к лучшему.

Художественный совет — буднично скромный, но по-настоящему деловой. Вот решается вопрос: какую выбрать пьесу, какой спектакль больше всего нужен сейчас молодежи города? Выбрали «Два цвета»: учителя стараются средствами искусства продолжать свою повседневную воспитательную работу. И роли совет распределяет так, чтобы в человека многогранно раскрылось деревня, чтобы актер не потерялся, не признался в одиночку и тем же красном.

И тут пошлое направили сравнение: если народный театр, обращаясь к теме Великой Отечественной войны, ставит серьезную, психологическую пьесу В. Горбачева «Одна ночь», то директор областного драмтеатра, принимаясь за архаичный антикварный титан, протаскивает низкопробную мелодраму С. Голованова «Дальнее зно». Если народный театр по-настоящему, с увлечением готовит произведения Островского и Мольера, то профессиональный предпочитает пустяки и водевилы. Если театр народный открыл местного драматурга Я. Широкова, ввезла жизнь в его первую пьесу «Светлая волна», то профессиональный, взявшись работать над новым произведением автора, все же не довел спектакль до уровня настоящего искусства.

Профессиональный театр — вышка, на которую должны равняться самодеятельные коллективы.

Дубровский, а Троенуров! — говорят в Кустанай. — Сам увольняет и принимает, сам мандует и марает.

Актриса С. Нивулин написала в редакцию письмо — директор, не смущаясь тем, что «неудобный» человек только что паре несправочно и неизвестно, когда сможет приступить к работе, увольняет его жену, а кавартиру из совещает вновь прибывшим молодым актерам. Нужно сказать на уроте актрисе И. Гулявич — и директор, не долго думая, оформляет ей средства на проезд в санаторий как... плату за уголки для отпущения театра. В том, что Иван Иванов, руководитель коллектива, проявил заботу о больном человеке, нет ничего плохого; наоборот, это было бы прекрасно, если бы все было сделано честно, открыто. Мужики нельзя было собрать местком, чтобы быры дучше, с чистым сердцем, гомич товарищу!... Кстати, да серьезно забавляла молодая актриса А. Журавлева. Иван Иванов остался спокойным. Он не делит своих привязанностей между многими людьми: уж если помогает, то кому-то одному и сполна, с лихой долей. Гулявич и на рынок за продуктами в директорской машине ездила, и свои подержанные вещи — чтобы добру зря дома не валялись — в костюмерную театра продавала (в спектаклях эта одежда так и не была использована). Между прочим, и сам Иван Иванов, осуществляя принцип своей рубашки — «ближе и теплее», сделал в костюмерную вещи на так же выгодных условиях. Не спалил он и с опелтой квартирой, а для одного человека у него площадь больше чем вухотельная, шестьдесят два метра. Словом, перемалывается можно еще долго...

Проверяя жалобы на Дубровского, мне пришлось разговаривать с самыми разными людьми. С бывшим парторгом Кустанайского театра Г. Савиным (ныне он работает на фабрике «Большевички») и с директором областной филармонии Г. Шмелем, сейчас он секретарь объединенной партийной организации театра и филармонии. С работником ОБХСС. С бывшей домработницей Дубровского З. Шамановой, которой, впрочем, сам Иван Иванов ничего не платил, поскольку она была оформлена как гадаробница в штате театра. С М. Леденевым, который выступил в враждебной печати с фальсифицированным Англоном о финансовых махинациях Дубровского.

Можно назвать еще ряд фамилий, указать точные адреса, чего, кстати, сам Иван Иванов избегает, — когда, например, составляет денежные договоры на большие суммы с «единицами» строительными бригадами. Используют доверчивость людей, Дубровский давно уже не стыдится никакие сделать. Как-то, нагруженную машину пшеном в самовозе, поехал он на Кустанай в Челябинск — торговать. Случилось это еще в 1947 году. Начато было дело о спекуляции... И чтобы замять его, пришлось Ивану Иванову уехать далеко и надолго.

Потом он работал в Пскове директором Театра им. Пушкина — но я там был сит и должности в 1953 году за ряд грубых нарушений финансовой дисциплины. И тогда в местной газете появился фальшот о жульничестве — но ведь в Кустанай псковские газет не читали.